

Глава II. Возможен ли компромисс в природоохране?

«Барахтанье и путаница». Так, по словам председателя Сьерра Клуба Майкла МакКлоски, старая гвардия борцов за охрану дикой природы определила свою многолетнюю деятельность. Национальные парки, законы против загрязнения окружающей среды, списки видов, находящихся под угрозой, сотни выигранных битв и сражений местного характера — и всё это посредством «барахтанья и путаницы»? «Лучше не строить грандиозных планов и жёстких идеологий, — объясняет МакКлоски. — Важнее уточнять свои взгляды и методы по мере продвижения вперёд», в зависимости от проблемы и оппонента, заключая сделки по мере необходимости. Мы исходим из альпинистской традиции: сначала решаем подниматься на эту гору. У вас есть только общее представление о маршруте, а опоры для рук и ног вы находите уже по мере подъёма; нужно всё время приспосабливаться и менять тактику. Это достаточно свободный, прагматичный подход».

Прагматизм и «реализм», то есть реалистическая оценка своих возможностей, — вот характерные черты движения за охрану природы, которое возникло в конце XIX столетия. Методы и взгляды современного радикального природоохранного движения резко отличаются от мировоззрения и деятельности таких традиционных организаций, как Сьерра Клуб под руководством МакКлоски, Общество защиты дикой природы, Одюбоновского общества и др. Радикалы, движимые экологической совестью, нестеснённой никакими условностями, практикуют прямой, «бескомпромиссный» подход к экологическим проблемам, в то время как элита природоохранного движения в своих подходах нарочито вежлива, почти жеманна. Хотя способы, применяемые традиционными группами для того, чтобы добиться совершенствования природоохранного законодательства, стали более сложными в последнее время, они слишком медленно расстаются с методом столетней давности, который для решения какой-либо экологической проблемы полагается исключительно на строго регламентированный политический процесс.

Первые выступления в защиту государственных земель в США способствовали созданию групп, боровшихся за минимальное освоение территорий дикой природы, ограничивая свою деятельность лишь тем, что было необходимо для сбора подписей в пользу защиты таких территорий. Сьерра Клуб и Одюбоновское общество были одними из первых. Они понимали, что для оказания воздействия на органы власти, принимающие решения, им следует перенять тактику лоббирования и защиты, применяемую боссами большого бизнеса, которому они противостояли, — короче говоря, нужно играть свою роль в политике

компромиссов. То же самое происходит и сегодня. «Мы пытаемся добиться отвода определённых территорий в качестве зон дикой природы, — говорит представитель Общества охраны дикой природы Бен Бич, обобщая подход своей организации к соответствующим проблемам. — Что касается тех земель, которые не включены в такие зоны, мы стараемся контролировать, чтобы они использовались как можно более целесообразно. Это не означает, что мы против лесных рубок или горных разработок. Мы только хотим, чтобы они осуществлялись в надлежащих местах и должным образом с выгодой для казначейства США».

Сьерра Клуб и Общество охраны дикой природы являются членами так называемой «Группы десяти», включающей крупные, мощные традиционные природоохранные организации. В эту группу также входят Одюбоновское общество, Совет защиты природных ресурсов, Национальная федерация охраны диких животных, Лига Исаака Уолтона, Защитники диких животных, Фонд защиты окружающей среды, Ассоциация национальных парков и заповедников и Институт охраны окружающей среды. Хотя эти организации и собраны в одну группу, их методы и приоритеты всё же в определённой мере различаются. Сьерра Клуб и Общество охраны дикой природы более других сосредоточиваются на крупных парках и зонах дикой природы. Национальная федерация охраны диких животных, Лига Исаака Уолтона традиционно имеют сильную поддержку среди охотников и поэтому акцентируют внимание на охране диких животных и мест их обитания, с тем, чтобы их членам было где заниматься своим любимым делом. Совет защиты природных ресурсов и Фонд защиты окружающей среды используют существующую правовую систему для понуждения к соблюдению природоохранного законодательства, и их всё более волнуют вопросы токсических загрязнений и другие проблемы, наиболее важные и актуальные скорее для людей, чем для остальной природы. Что касается методов, то Лига Исаака Уолтона, Сьерра Клуб и Одюбоновское общество имеют в своей истории массовые низовые организации, в то время как другие, в основном, таких корней не имели, что вынуждает их членов более активно заниматься природоохранной работой.

Сегодня Группу десяти (так же, как и многие другие группы в масштабах всей страны, штата или на местном уровне) объединяет желание путём «барахтанья и путаницы», а по существу, путём компромиссов, решать природоохранные проблемы, и их несомненное участие в легальной деятельности по организации заповедников. Такой подход принёс весомые, впечатляющие результаты: организация нескольких первых национальных парков и успешное проведение через Конгресс и президентов многих последующих законов о парках; Закон о дикой природе от 1964 г., который предотвратил некоторые виды освоения земель, наиболее важных в экологическом и эстетическом отношении, а также Законы о чистой воде и чистом воздухе, не говоря о других, менее крупных достижениях. Успешные компромиссы помогли им войти в другие сферы, менее непосредственно связанные с природными ресурсами, такие как законодательство и образование. Одно время, когда президентом был Рейган, Фонд правовой защиты Сьерра Клуба и Совет защиты природных ресурсов провёл больше судебных исков против предприятий, загрязняющих окружающую среду, чем федеральное правительство. Своими программами и публикациями традиционные природоохранные группы учили миллионы людей тому, насколько важна охрана окружающей среды, и как необходимо ступать по Земле настолько деликатно, насколько позволяет наша цивилизация.

От заповедников — к системной охране окружающей среды

Серьезная, организованная политическая деятельность в защиту дикой природы и диких животных началась в США еще в конце 1800-х годов с созданием Апалачского горного клуба. В последние годы этого столетия проповедник идей охраны дикой природы Джон Мюир и другие организовали Сьерра Клуб в Сан-Франциско, и с тех пор эта группа всегда была наиболее заметной и престижной среди других традиционных групп. Почти сразу же после основания Клуба его члены взяли на себя задачу защиты нужд дикой природы; сам Мюир занимался этим в течение четверти века. Первое серьезное выступление Клуба за охрану природных территорий — против строительства плотины в Иосемитском национальном парке — началось в 1901 году. Эта битва тянулась 12 лет и была проиграна, о чем до сих пор вспоминают как об одном из крупнейших поражений в истории американского природоохранного движения. В конце столетия Сан-Франциско рос очень быстро, и его руководители знали, что им придется решать проблему значительного надежного источника питьевой воды, или их мечта о новом Вавилоне испарится засушливым калифорнийским летом. Они исследовали могучие горы Сьерра Невады и выискали отличное место для водохранилища — долину Хетч Хетчи в нескольких милях к северу от знаменитой Иосемитской долины. Топография Хетч Хетчи была сформирована ледником: река Туолумн падала с хребта Сьерры в узкую долину длиной две мили, прорезанную пластами льда десятки тысяч лет назад. Но что было лучше всего для Сан-Франциско, Хетч Хетчи сужалась в каньон у его основания, образуя прекрасное место для плотины.

Мюир считал Хетч Хетчи «одним из редчайших и драгоценнейших природных горных храмов», сравнимых во многих отношениях с Иосемитской долиной. Предложение о строительстве плотины было, по его мнению, непростительным, неаргументированным и ненужным. «Эти разрушители храмов, — с горечью писал он о своих противниках в этой грандиозной битве за воду, камни, цветы и за душу Долины, — поборники грабительского коммерциализма, казалось, относились с совершенным презрением к Природе, и вместо того, чтобы возносить очи к Богу гор, понимали их на всемогущий доллар. Плотина в Хетч Хетчи! С таким же успехом можно было использовать под водные резервуары костелы и церкви, созданные человеком. Поскольку никогда сердце человеческое не освящало более прекрасного места». Увы, безбожники победили. Мюир пытался бороться, предлагая другие створы для плотины, некоторые даже в самом парке, но Сан-Франциско не принял ни одного из его компромиссных предложений. Их настойчивость принесла плоды, когда президент Вудро Вилсон в 1913 году подписал закон, разрешающий строительство плотины. Через год после поражения с Хетч Хетчи Мюир умер от воспаления легких. Со смертью своего вдохновителя Сьерра Клуб потерял также и часть своего боевого духа. Какое-то время в Клубе господствовали еретики — защитники «разумного использования», которые пропагандировали доктрину противника Мюира — Гиффорда Пинчета. Они доказывали, что природные ресурсы не следует резервировать, а выгоднее всего использовать их для блага всех людей. Одно время Клуб активно интересовался лесопереработкой — не для того, чтобы бороться с ней, а для того, чтобы пропагандировать профессию лесоруба.

Однако, несмотря на свою философию, Клуб оставался намеренно западным и небольшим; первое его отделение за пределами Калифорнии открылось лишь в 1950 году, и в это время он насчитывал всего 7 тыс. членов. Однако географически он размещался очень удачно для того, чтобы принять на себя приливную волну промышленного развития, последовавшую за второй мировой войной. После войны Клуб и другие члены природоохранного сообщества, как его тогда называли, начали серьёзно пересматривать свой подход к этим проблемам. Мощная экономическая машина, направлявшая свои усилия против войны за океаном, вернулась домой. Возвращающиеся воины пошли учиться, а кроме того, создавали семьи в масштабах, невиданных до тех пор в США. Американцы развивали пригороды и селились в них, где начинали богатую в материальном смысле жизнь. Холодильники, автомобили, замороженные продукты и флюоресцентная вода заменяли танки, самолёты, пули и бинты, поскольку использование гигантских запасов природных ресурсов страны не сокращалось.

Но потребительская этика не была так непоколебима, как военные усилия. Истощение ресурсов, необходимых для поддержания неумолимого общенационального марша «прогресса», встревожило природоохранное сообщество, и его тревога способствовала началу настоящего движения за охрану рек, и лесов, особенно на Западе. Подхватив дух Мюира, Сьерра Клуб возглавил эту борьбу, преуспевая там, где его основатель потерпел поражение: они останавливали строительство плотин в национальных парках. Обстоятельства вокруг первой из этих битв — против плотины в Эхо Парке в Национальном памятнике природы Динозавр — поразительно напоминали ситуацию с Хетч Хетчи. Обе местности были достаточно отдалёнными, мало известными, исключительно красивыми, и должны были, несомненно, оставаться нетронутыми и охраняться так же, как в заповеднике. Дебаты по вопросу о плотине в Эхо Парке тянулись пять лет, пока, наконец, беспрецедентные усилия активистов на Капитолийском Холме увенчались успехом: проект строительства плотины был отклонён. В январе 1963 года развернулась новая битва против ещё более смелого проекта. Федеральное Бюро мелиорации предложило Водохозяйственный план для юго-запада, в соответствии с которым нужно было перекрыть реку Колорадо в Гранд Каньоне в двух местах. Сьерра Клуб одержал победу лишь после того, как дал объявления на всю страницу в нескольких крупнейших центральных газетах, призывающие граждан обращаться с письмами к Президенту Джонсону и другим официальным лицам с требованием положить конец этим планам. Это был важнейший шаг в природоохранном движении. Подобные объявления давались и прежде, но давление, оказанное четырьмя объявлениями в течение десяти месяцев, оказалось решающим для предотвращения строительства плотины в Гранд Каньоне. Неожданную поддержку этим усилиям оказал ответный удар, нанесенный Службой внутренних доходов, которая из политических соображений обрушилась на некоммерческий Клуб. Он обвинялся в нарушении условий статуса не облагаемой налогом организации своим предполагаемым участием в лоббировании (общественные некоммерческие организации освобождаются от налогообложения при условии, если они воздерживаются от политической деятельности). Маленькая добрая группа энтузиастов заповедного дела против большого злого правительства! За три года количество членов клуба удвоилось и достигло 78 000. Как пишет в своей автобиографии Дэвид Броуэр, первый исполнительный директор Сьерра Клуба, «американское общество, как оказалось, не желало, чтобы какой-то налоговый инспектор подвергал опасности единственный в мире Гранд Каньон».

Однако Бюро мелиорации получило всё же возможность строительства плотины после этой битвы. Предложенный Сьерра Клубом компромисс допускал размещение плотины выше по реке Колорадо, чуть южнее границы штата Юта. Плотина заполнила мало кому известную местность Глен Каньон. Сотни миль изумительно красивых, обрывистых, отполированных до блеска берегов, прорезанных за миллионы лет текущей водой; игра света и тени создавала изящные рисунки на их стенах. Теперь всё это лежит в темноте, покрытое водой, поднятой плотиной Глен Каньона. Послушаем, что говорит по этому поводу Броуэр, который допустил строительство этой плотины. «Я проявил непростительную слабость и позволил Правлению пойти на компромисс в отношении Глен Каньона, — говорит он. — Начальство поместило плотину там, хотя мы ведь могли остановить их, если бы отказались идти на компромисс и просто отстаивали политику нашего Клуба. Мы же вместо этого ублажали начальство».

Многие называют Броуэра «реинкарнацией Мюира». Его взгляды, видение перспективы, энергия, творческий подход привлекли в Клуб тысячи новых защитников дикой природы; радикалы нашли поддержку своим методам в его бескомпромиссной оценке. Альпинист в образе Мюира, Броуэр был коренным калифорнийцем, членом Клуба с 1933 года, долгое время работал на общественных началах, и был, кроме того, издателем журнала «Бюллетень Сьерра Клуба» (ныне — журнал «Сьерра»), после чего стал одним из руководителей Клуба. К тому времени, как он совершил свою первую поездку в Глен Каньон, его судьба была решена, и в 1963 году вода начала подниматься за ним, наполняя озеро Пауэлл, которое, по иронии судьбы, названо именем исследователя Уэсли Пауэлла, руководителя первой водной экспедиции по реке Колорадо.

Спустя ещё несколько лет, наполненных как экологической войной, так и битвами внутри организации, которые он вёл как её руководитель, пути Броуэра и Клуба разошлись. Полноформатные объявления и великолепные книги выставочного формата, которые он издавал в поддержку их общего дела, требовали капитала, и у Сьерра Клуба он был, но часть директоров не соглашалась его расходовать. Кроме того, Броуэр поссорился со своим старым другом, фотографом и одним из директоров Клуба Энселом Адамсом из-за разногласий по поводу ядерной энергетики. Адамс и большинство других директоров поддерживали размещение атомной электростанции в Каньоне Дьявола севернее Санта Барбары в Калифорнии. Они считали Каньон Дьявола компромиссом — речь шла либо об атомной электростанции, либо о нескольких тепловых на угле. Броуэр, первым испытавший опасности компромиссов, страстно боролся против проекта в Каньоне Дьявола и отказывался идти на уступки. Эти два вопроса — книги и атомы — вбили клин между Броуэром и остальным руководством Клуба, и исполнительный директор был вынужден покинуть клуб в 1969 году. Он основал свою собственную организацию «Друзья Земли», посредством которой он активно и свободно преследовал природоохранные цели с огромной энергией и остротой. «Нежная Нелли никогда ничего здесь не добьётся..., — сказал он, покидая Сьерра Клуб. — Мы не можем заниматься болтовнёй, когда наша недисциплинированная технология сжигает в своих пожарах остатки дикой природы Земли». Позднее он основал Институт островов Земли, активную, деятельную организацию.

Ныне Дэвид Броуэр, седовласый, с острым взглядом, по-прежнему язвительно остроумный в свои почти 80 лет, — старейший деятель мирового природоохранного движения*. В 1972 году он был избран почётным вице-президентом Сьерра Клуба, и по сию пору он

главенствует в нём, будучи твёрдо убеждён в том, что Клуб, так же как и ряд других традиционных природоохранных групп, является неотъемлемой частью движения за охрану окружающей среды. Он убеждает их не отступать перед теми, кто наносит ущерб Земле и расточает её богатства. Никогда не любивший компромиссов, ныне Броуэр поддерживает эковоинов в их непримиримом отношении к методам Группы десяти, которая в своих попытках остановить разрушение земли полагается почти исключительно на прагматический подход. Броуэр прямо изложил свои чувства в письме директору Сьерра Клуба по вопросам заповедного дела, написанном им в 1989 году. Он полагает, «что компромисс часто бывает нужен, но он не должен исходить из Сьерра Клуба», — а это происходит всё чаще в последние годы. Мы будем лучше служить природе и лучше её сохраним, если члены традиционных природоохранных организаций «будут быстро схватывать и поддерживать то, что мы считаем правильным, бороться за это, находить союзников и использовать все возможные аргументы в пользу нашего дела, — говорит Броуэр. — Если мы не найдём в себе и в них достаточно страсти и убеждённости, чтобы победить, то уж пусть другие предлагают компромисс. А мы уж после этого сумеем добиться того, чтобы вышло по-нашему. Мы станем ядром, вокруг которого соберутся и будут функционировать сильнейшие».

Природоохранное движение должно волновать людей, убеждает Броуэр, а не просто делать то, чего от него ждут. Приближающийся «конец природы» требует от нас изобретательности в битвах за её сохранение, а отнюдь не компромисса. Кроме того, «правила» процесса «барахтания и путаницы» существуют как раз для того, чтобы одерживать верх над незначительными игроками: не устраивать сцен; не делать слишком большой волны; помнить, что твой оппонент сегодня может понадобится тебе завтра как друг. «Многие прилагают немалые усилия к тому, чтобы избежать конфронтации, — говорит Броуэр. — Мы стараемся быть своими, вести переговоры. Мы, по словам Рэя Десмена, — как Бемби перед индустриальными Годзиллами. Большие начальники приглашают нас отобедать с ними. Я так понимаю, это одна из их функций — чтобы мы чувствовали себя хорошо, в то время как начальство среднего уровня продолжает вредительствовать, как всегда. По-моему, настоящие радикалы — те, кто идут под лозунгом «Земля — прежде всего!». Они известны также под именем «Богатство 500». «Вы не добьётесь перемен, обедая с ними, — добавляет Броуэр. — Их можно добиться, создавая мощную поддержку в массах, в низах, среди людей всех профессий, стараясь внедрить экологическое сознание, совесть во все сферы человеческой деятельности, включая покупки и инвестирование». Годы борьбы за охрану окружающей среды сделали Броуэра таким же непоколебимым, как и любого из радикалов. Он разделяет их взгляды и их философию касательно тех действий, которые необходимо предпринять, чтобы разбудить в народных массах дремлющего в них зелёного гиганта. «Впервые на Земле мы имеем возможность построить устойчивое общество, — говорит Броуэр, и глаза его сверкают. — Так давайте же сделаем это! Споём эту волнующую песнь! Чтобы дело пошло, мы должны бороться, сопротивляться. Меня критикуют за это, однако мы должны это делать... Внимание людей можно привлечь только конфронтацией. Это наилучшая возможность для того, чтобы немедленно начать природоохранное образование. Вы начинаете большую битву, и люди выбирают, чью сторону принять. В этой борьбе проявится правда, так или иначе. И наша возьмёт!» — говорит он, самоуверенно посмеиваясь над своим природоохранным вдохновенным оптимизмом.

Миролюбивый подход больших игроков тоже терзает его. «Узкие круги «своих» и «спокойные небольшие совещания» упускают вопрос о нуждах природоохранной деятельности. Не думаю, что у нас есть что-либо общее с этими природоохранными организациями», — говорит Броуэр. Вовлечение широких масс в решение вопросов защиты окружающей среды — это важная политическая реалья. Без неё нам никогда не разрушить Эко-Стену. И раздувание списков членов традиционных природоохранных организаций бесполезно. «Нам нужно, чтобы они принимали участие в наших отношениях с властью, что в дальнейшем мы можем использовать, пробиваясь в Конгресс или куда бы то ни было, чтобы добиться своего, — твёрдо говорит Броуэр. — Но мы должны иметь эти отношения. Природоохранное движение сплотит миллионы людей, а мы не развиваем их взаимоотношений».

Борьба с «рейганомикой»

Экологически сознательные американцы в ужасе наблюдали, как в конце 1980-х годов так называемый «Полынный мятеж» Джеймса Уотта под покровительством Рональда Рейгана наполнял Вашингтон. Многие из тех миллионов, о которых говорил Броуэр, ответили на это массовым вступлением в ряды ведущих природоохранных организаций страны, удвоив количество их членов всего за несколько лет. Это было только одним из результатов наиболее важного явления с тех пор, как началось массовое природоохранное движение, побуждаемое проведением первого Дня Земли: федеральное правительство предало дело охраны окружающей среды. Высокомерное отношение Рональда Рейгана к проблемам окружающей среды отчасти послужило сигналом окончания эры старого прагматизма. «Барахтанье и путаница» больше уже не могли ничего сделать для окружающей среды. Уж если президент отказывался сесть за один стол с членами «Группы десяти», о компромиссах не могло быть и речи. Эко-Стена, в последнее десятилетие поднимавшаяся всё выше в иных местах, однако и понижавшаяся кое-где, неожиданно приобрела новый, зловещий характер. Реакционеры соблазняли разочарованный электорат обещаниями снизить налоги и сократить правительственный аппарат. Продадим федеральные земли, включая и национальные парки, тем, кто будет лучше на них «хозяйствовать», кричали они. Хорошо хозяйствовать, по их мнению, означало иметь хороший доход и не более того. Будучи министром внутренних дел, Уотт не мог зайти так далеко, как того желали бы его «полынные» приятели, по крайней мере, не сразу. Однако он пообещал приостановить приобретение территорий дикой природы, продать часть из них обратно в частное владение и «инвестировать в парки» путём их развития. Уотт считал, что американцы хотят не новых, а «лучших» национальных парков. Это значило — попасть на природу, не выходя из машины; Уотт полагал, что люди предпочитают добираться туда в своих автомобилях. А по прибытии на место, считал он, им требуется достаточно места для парковки, чистые комнаты отдыха, мотели и сувенирные киоски. Сторонники этой в высшей степени утилитарной философии рассчитывали, что люди должны будут платить за то, чтобы развлечься в государственных национальных парках. В 1980 годах была установлена или повышена плата входная плата, при этом значительная часть этих средств направлялась не в программы развития парков, а непосредственно в «общий фонд» федерального правительства, то есть на развёртывание рейгановской системы обороны стоимостью в

триллионы долларов.

МакКлоски из Сьерра Клуба отмечает, что традиционным природоохранным организациям пришлось выдержать мощный натиск федерального правительства, что очень ослабило руководство природоохранным движением. «Нам необходимо подумать о новых идеях, — говорит сидящий МакКлоски, явно озадаченный неожиданным поворотом событий. — Что касается федерального правительства, то трубопровод совсем иссяк. Оно не уже рождает новых идей... Прагматическое крыло движения всё ещё старается привыкнуть к тому, что источник руководящих идей переместился». Несмотря на угрожающие предвестники, предшествовавшие избранию Рейгана, традиционные группы оказались слабо подготовленными к тому, чтобы принять на себя ответственность. И хотя количество их членов взлетело до небес — скажем, в Сьерра Клубе оно возросло со 147 тыс. в середине 70-х до 550 тыс. в 1989 году, а в Обществе охраны дикой природы, насчитывавшем менее 100 тыс. членов перед избранием Рейгана, через 10 лет их стало 335 тыс. — они не торопились что-либо предпринимать. Отсутствие дальновидности среди традиционных природоохранных организаций и их медлительность в использовании имевшихся у них связей с органами власти, которые представляются Броуэру такими важными, не даёт покоя радикальным активистам типа соучредителями «Земли — прежде всего!» Майка Роселла. «Когда Уотт пришёл к власти, мы видели гигантский рост крупнейших групп, — говорит он. — Но видели ли мы активизацию их деятельности, рост защиты, усиление их позиций? Видели ли мы хоть какой-нибудь новый анализ или новые инициативы? Нет! Всё, что мы видели, — это рост количества 25-долларовых чеков, направляемых в их почтовые ящики».

Во времена Рейгана и Уотта живописные пейзажи, зоны рекреации и духовной рекреации — ценности, исповедуемые традиционными природоохранными организациями, больше не представляли особой важности для правительства, обратившего свои взоры к дикой природе. Неожиданно все федеральные земли были подвергнуты тому же прагматичному тесту, какой могла бы применить любая частная компания. Результатом попытки традиционных природоохранных организаций следовать этой перемене в правительственной философии был полный поворот в их подходах и методах. Бен Бич поясняет, что в 1980-х годах Общество охраны дикой природы решило, что эмоциональные аргументы больше не эффективны. Прагматизм нуждался в каких-нибудь острых специях. «Мы верим в «этику Земли», говорит Бич, имея в виду философию соучредителя Общества охраны дикой природы Олдо Леопольда. — Но мы хотим дополнить эти традиционные аргументы более новыми экономическими аргументами». Такое заявление граничит с ересью, поскольку, как писал Олдо Леопольд, «одной из основных слабостей системы охраны природы, основанной целиком на экономических соображениях, является то, большинство членов сообщества земли не имеет экономической ценности». Для владельцев ранчо волки не просто ничего не стоят — они приносят убытки; пустыни ничего не стоят для большинства, за исключением, быть может, кактусов и черепах; стоящая мёртвая секвойя не представляет ценности ни для кого, кроме пятнистой совы, живущей в её дупле; и змееголовка ничего не представляет собою, кроме помехи для строителя плотин. Однако времена изменились, говорит Бич. Когда вы пробиваетесь сквозь «барахтанье и путаницу», вы должны плясать под любую дудку, а не действовать так, как подсказывает вам совесть или диктуют этические соображения. Если таковы были правила игры, в которую хотел играть Рейган, то прагматики решили, что и они должны отвечать долларовыми купюрами.

Общество охраны дикой природы и другие публиковали многочисленные материалы о стоимости правительственных мероприятий. Долговременные экологические проблемы снова и снова отодвигались в сторону, и тогда природоохранные организации начали искать пути экономической оценки экологического разрушения. Они определили, что продажа леса в национальных парках равносильна рейду на Форт Нокс, и федеральные земли были проданы в частное владение за копейки.

Активисты охраны природы приняли этот новый подход по необходимости. Сторонники традиционных организаций искали, куда вложить свои новые богатства, чтобы их деятельность при этом выглядела эффективной в глазах неумолимой администрации. И правда, это были результаты, — или, вернее, отсутствие результатов, десятилетий «барахтанья и путаницы», что и способствовало возникновению радикального природоохранного движения более, чем любой другой фактор. Соломинкой, сломавшей спину верблюда и давшей старт становлению организации «Земля — прежде всего!», был анализ больших территорий дикой природы в пределах национальных парков, выполненный Службой леса США и носивший название «Обзор и оценка бездорожных территорий» (Roadless Area Review and Evaluation II — RARE II). Этот анализ был выполнен в 1978 — 79 г.г. Его задачей было разделить все бездорожные территории национальных лесов на три категории: 1) территории дикой природы; 2) территории, подлежащие изучению на предмет возможности их включения в первую категорию, и 3) территории, подлежащие исключению и передаче в эксплуатацию. Руководству лесоперерабатывающих, горнодобывающих, нефтяных компаний не давали покоя богатства, лежавшие под орлиными крыльями и медвежьими брюхами. Чтобы победить в борьбе с такими врагами против RARE II, Общество охраны дикой природы, Сьерра Клуб, Одюбоновское общество и большинство остальных членов Группы десяти, а также многие другие организации в отдельных штатах и местного уровня чувствовали необходимость организации единого фронта. Короче говоря, активисты охраны природы понимали, что победить бегемота можно, только став бегемотом. Однако для того, чтобы объединиться, приходилось приводить всех к самому низкому общему знаменателю, принимать самые слабые позиции. Компромиссным решением было действовать внутри регионов, и таких компромиссов было много. Соучредитель «Земли — прежде всего!» Хови Уолк говорит, что это было фатальной слабостью. Уолк с отвращением ворчит, что из восьмидесяти миллионов акров бездорожных территорий в национальных лесах всей страны в окончательных рекомендациях RARE II «только пятнадцать миллионов акров камня и льда» было отнесено к первой категории, то есть к зонам дикой природы. Промышленники играли на эмоциях, убеждая, что для дальнейшего строительства жилья и предприятий понадобится ещё больше деревьев в будущем, никогда, впрочем, не подтверждая свои уверения цифрами, говорит Уолк, посвятивший много месяцев составлению карты бездорожных регионов Вайоминга до RARE II. «Мы играли нашу игру, играли её по правилам, — говорит он. — Мы были умеренны, благоразумны, профессиональны. Мы располагали данными, статистикой, картами, графиками. И оказались в дураках. Вот тогда-то я начал думать, «слушай, чего-то тут недостаёт. Что-то не срабатывает». Это привело нас к «Земле — прежде всего!» более чем что бы то ни было другое».

«Барахтанье и путаница» не смогли бы сделать этого, утверждали радикалы в начале 1980-х. Если президент собирался сменить мотив, кто-то должен был предложить свою музыку.

Именно это и сделала «Земля — прежде всего!». Она сделала своим лозунгом «Никаких компромиссов в защите Матери-Земли!», намеренно демонстрируя свой гнев против традиционного подхода. Положив во главу угла охрану дикой природы, радикалы приняли в качестве основополагающей истины неоднократно цитированное замечание Броуэра о том, что компромисс никогда не даст результата, поскольку гигантские территории дикой природы были принесены в жертву, но ни разу дикая природа не была создана снова. Сделанного не воротишь. Майк Роселл рассказывает о Тонгасском национальном лесу на Аляске. Активисты природоохранного движения (под руководством Барта Кёлера, соучредителя «ЗПВ!») попытались прекратить рубки леса, на которые выделялись самые крупные субсидии в стране — в 1980-х годах они стоили налогоплательщикам более 350 миллионов долларов. «Существует одна проблема (из-за системы компромиссов): если вы что-нибудь закрываете, то от вас тут же потребуют что-нибудь открыть, — в частности, отдать для использования, говорит Роселл. — Когда вы приходите позже и заявляете: «Я не желаю, чтобы вы валили лес в Тонгассе», то они ответят: «Но когда мы писали Закон о земле Аляски, вы же сказали, что он высвобождается для жизни!» Бесполезно объяснять им, что вы не имели в виду такую жизнь. Идя на компромиссы, вы теряете моральные основы. Питер Стейнарт, редактор журнала «Одубон», приводит слова Майкла МакКлоски, в которых отстаивается именно эта точка зрения: он сказал однажды, что «проблема компромисса в том, что, если вы пошли на компромисс, люди считают вас потерявшим свою преданность делу. Они считают, что вы утратили свою нравственную чистоту». Реалистический подход означает сдачу не только позиций, но также и чести.

В поисках ниши

В 1960-х и в начале 1970-х годов появились предвестники радикального природоохранного движения, его «образа жизни». Эти проповедники возврата к земле обладали сильной экологической совестью. Их простой образ жизни был сам по себе политическим заявлением. Как и эковоины, они досаждали традиционалистам своими разговорами, направленными против индустриализации, и своей неизменной этикой. «Но, — говорит МакКлоски, — несмотря на существование трений между прагматиками и теми, кто проповедовал новый образ жизни, мы не говорили друг о друге ничего дурного. Мы понимали, что у нас разные представления о том, каким путём лучше идти и каковы наши приоритеты. Чем отличается теперешняя ситуация от той, которая существовала в 1984 или 1985 году? Тем, что новые радикалы создали себе положение, нападая на традиционалистов — прагматиков. Они выглядят хорошо, если мы выглядим плохо. Они должны нападать на нас». И всё же МакКлоски неохотно признавал новые реалии природоохранного движения. Как отмечает один из учредителей «ЗПВ!» Дейв Формэн, «Земля — прежде всего!» увеличила эффективность этих групп, и, мне кажется, мы подняли больше новых вопросов. Мы смогли заново уточнить параметры дискуссии, но радикалам так легко стать святее, чем мы, и игнорировать ту работу, которую делают традиционные группы». Как ни удивительно, но Формэн считает более важным традиционный аспект, а не радикалистский, которому он так сильно предан. «Если бы перед нами стоял выбор: иметь только традиционные группы, но не иметь «ЗПВ!», или иметь «ЗПВ!», но ни одной традиционной группы, я не вижу, что мы реально могли бы выбрать», — говорит Формэн.

Власть и престиж Группы десяти и других, вообще говоря, важнее, чем неформальные группы, которые пытаются обогнать их.

Формэн и иже с ним подчёркивают, что, вообще говоря, существует частое и взаимно полезное взаимодействие между активистами традиционного и радикального природоохранного движения. Некоторые члены традиционных групп считают, что радикалы стали частью процесса «барахтанья и путаницы», отчасти облегчая его. Формэн часто говорит о «спектре» природоохранных групп. Директор Юго-западного отделения Общества охраны дикой природы Джим Нортон использует более подходящую метафору. «В биологическом сообществе каждый организм имеет свою биологическую нишу, — говорит он. — Подобно этому и каждая природоохранная группа в процессе своего развития нашла свою небольшую экологическую нишу. По-моему, это разумно и эффективно. Эти ниши охватывают очень широкий спектр проблем. «Земля — прежде всего!» будет крайней на одном конце этого спектра, а Общество рационального природопользования — на противоположном. Общество охраны дикой природы находится посередине». МакКлоски возражает, несмотря на свои убеждения, что у движения существуют «крылья». «Я бы не считал это очень полезным аргументом, — говорит он, — но я согласен, что радикальные группы играют определённую положительную роль, указывая на недостатки традиционных групп, экспериментируя с новыми методами, и, конечно, рассуждая о множестве всех этих вопросов. Я думаю, что это приносит пользу, хотя не всегда убеждает. Однако я подчёркиваю, что я не оправдываю и не одобряю насилия. Не думаю, что оно когда-либо было полезным вкладом».

Но другие активисты традиционного толка видят более непосредственные выгоды от деятельности радикалов. Нортон полагает, «что «Земля — прежде всего!» с её гораздо более обширными предложениями по охране дикой природы, — а это верно и для Аризоны, и для Нью-Мексико, где предложения «ЗПВ!», пожалуй, вдвое превышают объём предложений нашей коалиции, — делает предложения коалиции более умеренными и резонными. И такие они и есть. Мы не включаем каждый клочок земли, который может быть назван дикой природой, не предлагаем закрыть крупные дороги или другие сооружения и разработки. А «ЗПВ!» предлагает. Она определённо способствует тому, что предложения коалиции выглядят более традиционно, и умеренно, и благоразумно. Не будь «ЗПВ!», они могли бы быть экстремальными». Формэн, кроме того, говорит и о тактической важности теории ниш. «Десять лет назад все те ужасные вещи, которые теперь пишут о «ЗПВ!» в небольших газетках на западе и говорят политики, говорились о Сьерра Клубе... Раздвинув крайние точки зрения гораздо дальше, мы дали традиционным группам возможность действовать на гораздо более обширном пространстве. Благодаря нам они выглядят заслуживающими доверия, не идя более на компромиссы», — говорит он, отмечая важнейшую цель создания «Земли — прежде всего!». Радикалы берут огонь на себя, открывая путь традиционалистам.

Хотя Нортон не думает, что были какие-либо негативные последствия для традиционных групп, он говорит, что «опасается ответного удара. Я знаю, что законодатели, которые в конце концов решат, должен ли данный участок земли получить долговременную защиту или нет, не намерены отвечать на нелегальную деятельность или угрозы такой деятельности. По их мнению, это то же самое, что отвечать на терроризм». Некоторым особо

чувствительным местам вред наносится легко, говорит МакКлоски. Например, в Юте не знают разницы между «ЗПВ!» и Сьерра Клубом, или, по крайней мере, эта разница никого не интересует. Вообще, любое проявление радикальной деятельности в таких местах создаёт препятствие на пути традиционного природоохранного движения, и без того находящегося в эмбриональном состоянии. Зачастую, однако, это те места, где совершаются самые чудовищные, экологически непорядочные и незаконные акты разрушения, — места, где работа радикалов наиболее важна в силу ограниченности времени и гигантского масштаба наносимых природе ужасающих опустошений.

Вызов новому природоохранному движению

Майк Роселл говорит, что в последние месяцы президентства Рейгана люди поняли необходимость личного участия в природоохранных баталиях. Годы всё возрастающей тревоги по поводу местных и глобальных экологических катастроф и отсутствие направляющих действий со стороны традиционалистов заставили некоторых разочарованных взять дело в свои руки.

В августе 1989 года Общенациональная неделя в защиту деревьев, проведенная «ЗПВ!», привлекла внимание средств массовой информации по всей стране к факту уничтожения государственных лесов; через год в организованной ею кампании Лето Секвойи приняли участие тысячи людей, месяцами поведших акции гражданского неповиновения. Те же методы применяются и при проведении ежегодных кампаний и демонстраций, направленных против использования меха животных и опытов над животными, организованных борцами за права животных и организацией «Освобождение животных», и обществом «Морской пастух» в акциях протеста против программ отлова дельфинов и убийства бельков морских котиков. Несколько более мирный бойкот всех продуктов из тунца, предложенный Институтом острова Земля под руководством Броуэра в знак протеста против убийства дельфинов рыболовными судами, оказался успешным. В апреле 1990 года три крупнейших рыбоконсервных предприятия объявили, что они будут приобретать только тунца, при ловле которого не наносилось ущерба дельфинам.

Радикалы ощущают потребность добиться понимания общественности и научить её путём решительных действий прекращать любое насилие над природой, какое только возможно, любыми доступными ненасильственными средствами, включая и разрушение собственности. Они утверждают, что любое упущенное время и любые дальнейшие компромиссы приближают катастрофу. Выход — быстро и резко уменьшить воздействие человека на природу.

Джон Мюир создал Сьерра Клуб из опасения неконтролируемого разрушения дикой природы; Олдо Леопольд, Боб Маршалл и Бентон МакКей сформировали Общество охраны дикой природы из опасения, что обширные нетронутые леса и пустыни будут уничтожены. Радикалы, естественно, напуганы, поскольку кумулятивный ущерб, наносимый природе, возрастает с каждым днём. Время работает против окружающей среды, говорят они. Когда

отсутствует такой страх за целое и за долговременное, тогда движение лишается и важнейшей мотивирующей силы. По крайней мере, в этом отношении эковины имеют больше общего с отцами-основателями традиционных групп, чем сами эти группы.

Версия #2

Зверобой создал 20 апреля 2025 19:14:51

Зверобой обновил 20 апреля 2025 19:19:29